

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

ГЛАВНАЯ ВЕРШИНА – РОДНАЯ РЕЧЬ

очерк

Главная вершина – язык.

“Как материал словесности, – писал Пушкин, – язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими...”

Прочитав у французского историка Лемонте, будто “владычество татар оставило ржавчину на русском языке”, решительно возразил: “Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством... Как бы то ни было, едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык. Войны литовские не имели также влияния на судьбу нашего языка: он один оставался неприкосновенною собственностью несчастного нашего отечества”.

Далее поэт отмечал: “В царствование Петра I начал он приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей, в то время покровительствуемых; к счастью, явился Ломоносов”.

Любимым занятием Ломоносова были точные науки. Напрасно искать “в первом нашем лирике пламенных порывов чувства и воображения.

Слог его ровный, цветущий и живописный, замлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оногo с языком простонародным. Вот почему переложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения”.

Великий сын русского Севера был пламенным патриотом своего Отечества. В “Древней Российской истории” писал: “Имя словенское поздно достигло слуха внешних писателей и едва прежде царства Юстиниана Великого, однако же сам народ и язык простираются в глубокую древность. Народы от имен не начинаются, но имена народам даются”.

Там же: “В начале шестого столетия по Христе словенское имя весьма прославилось; и могущество сего народа не токмо во Франции, в Македонии, в Истрии и в Далмации было страшно, но и к разрушению Римской империи способствовало весьма много. Венты и анты, соединяясь со сродными себе славянами, умножили их силу”.

Где анты, там и вятичи, жившие позднее на Висле, а затем, как утверждал летописец, поселились на Оке. У них за спиной была слава, слава их дедов. Вот потому они, предки наши, и назвали один из крупных городов своего племени Дедославлем*.

В “Истории Русского народа” В.А. Кандыбы (М., 1995) читаем: “Русы под руководством князя Вятко совершают дальний поход на Рим и терпят от римских войск в районе Шампани. Затем второй поход на Рим и разрушение Рима”. Было это примерно в четвертом веке нашей эры.

Русы – загадочное слово. Немцы в эту войну, захватив наши места, называли нас русами. Окликали: “Рус!” Не Русь, а именно Рус. В чем дело? Теперь-то мы знаем, что Берлин – это славянское селение Берло, что русского посева Женева и Вена, что Австрия Истрией была. А тогда? Что мы знали тогда?

Вернемся к А.С. Пушкину, ко второй главе “Евгения Онегина”. Александр Сергеевич очень любил эпитафии, придавал им большое значение. Например, в “Капитанской дочке” эпитафия-пословица содержит главную мысль произведения: “Береги честь смолоду”. Сделал это по подсказке Дениса Давыдова, нашего земляка. Глава вторая “Онегина” имеет двойной эпитаф: “О Русь!” – русскими буквами и “О Рус!” – латинскими. Ниже: “Гор”. Перевод: “О деревня! Гораций”. Гораций, как известно, жил до нашей эры /65-8 гг./.

Думается, не только из-за любви к римскому поэту взят эпитаф к главе о деревенской жизни героев романа. Мы вынуждены напомнить, что римляне жили на земле славянского племени этрусков /эти русские/, язык которых, по мнению многих ученых, состоял в основном из наших слов.

Говоря стихами:

*Я реву кольцо понятий ваших узких,
Не назову народ наш молодым.
Этруски, говорившие по-русски,
Учили племя, сделавшее Рим.*

/Из книги “Жар-птица”. Орел, 2004/.

Тургенев сказал: “Мы – народ молодой и сильный...”

* Находился на территории нынешней Тульской области.

Потом же в стихотворении в прозе “Русский язык” заявил, что он “дан великому народу”. Да и сам язык назвал великим и могучим. Легко догадаться: чем язык богаче, тем народ старше. Размышляя в этом направлении, современные историки дошли до Адама и Евы...

В “Загадках Российской цивилизации” В.Н. Демина и С.Н. Зеленцова /М., 2002/ читаем: “Человек без языка – ничто. Смерть языка означает смерть любого народа. Русский же язык, к примеру, никогда не останавливался в своем развитии – даже в самые тяжелые годы испытаний он утраивал, удесятерил силы людей, вдохновляя их на великие подвиги и великое подвижничество”.

Совершенно верно!

Вспомним Анну Ахматову:

*Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова.
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.*

Во дни оккупации мы чувствовали себя как на чужбине, когда вокруг властно звучала иноземная речь. Да и теперь становится неуютно, когда слышим потоки ругани, а с трибун – речь, переполненную иностранными терминами. Да и наш брат, сочинитель, иной раз ученого блеска ради закручивает фразы, что без перевода не понять.

Язык надо беречь!

Это главное условие народности. Однажды редакция альманаха “День поэзии” решила спросить литераторов: “Что вы думаете о народности?” Многие отозвались. Один Михаил Васильевич Исаковский, великий русский народный поэт, “Катюша” которого облетела весь мир, ныне усердно забываемый и печатью, и телевидением, ответил, что этот вопрос очень серьезный, и добавил с горечью, что многие молодые поэты о народности и не думают.

Забывают Исаковского настолько упорно, что даже СТОЛЕТИЕ ПОЭТА РОССИЯ ПРОЗЕВАЛА. Твардовского иногда вспоминали как бывшего редактора “Нового мира”, потом же совсем столкнули в реку забвения. А ведь его “Василий Теркин” прошел по всем фронтам Великой Отечественной. Даже Иван Бунин, наш великий земляк, Нобелевский лауреат, пришел в восторг, прочитав книгу про бойца,

и поделился с другом Телешовым радостью: “Какой язык!”

Отношение к вершинам русской литературы более чем странное. В книжных магазинах красуются книги с неизвестными именами и очень далекие от народа.

Лев Толстой говорил: “Нет величия там, где нет простоты, добра и правды”. Жил писатель в народе, думал о народе, учился у народа. Даже у своих учеников в Ясной Поляне учился!

— Однажды, — рассказывал один офицер, — мне довелось побывать у Михаила Александровича Шолохова. Он сказал: “У каждого писателя есть учитель. Мой учитель — Лев Николаевич Толстой. Всю жизнь учусь у него”. Автор “Тихого Дона” не мог развернуть роман, пока не встретил казака Ермакова, ставшего прототипом Григория Мелехова. Обладая уникальной памятью, писатель постоянно вслушивался в народную речь, вот почему так хороши у него разговоры. А какая бездна ослепительного юмора!

И снова вспоминаешь “Василия Теркина”:

*Смехом смех — случилось мне
С женами встречаться,
От которых на войне
Только и спасаться.*

Казалось, какой тут смех? Но речь народная — тайна великая.

Генерал А.В. Горбатов, хорошо знавший поэта, написал о нем: “Для меня хороши те стихи, которые заставляют невольно раскрыть свой слух, полностью отдать им внимание, принимать их сразу и чувством и умом... Меня поразило, как Твардовский пишет о народе... Все просто, а сколько ума в солдате Василии, сколько в нем широты”.

Горбатова восхитило, что в дисциплине Теркина “есть свобода, инициатива”, что он “смело принимает свои решения”.

“Могу добавить лишь, — завершал свои воспоминания о поэте генерал, — мне посчастливилось на моем веку видеть мужественных людей, героев. И лучшим из всех виденных героев я считаю Александра Трифоновича Твардовского”.

Полководец суворовского дарования, большой отваги и решительности увидел самое интересное: поэт сам был как Теркин. Да и самому генералу он был сродни...

Мужество — черта настоящих людей, самобытных художников слова.

Таким был Пушкин. После двух ссылок, после подавления восстания декабристов, многие из которых были друзьями поэта, он заявил в стихотворении “Арион”: “Я гимны прежние пою”. Отправил в Сибирь послание ссыльным:

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье.
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.*

Обнял друга Ивана Пущина со словами:

Мой первый друг, мой друг бесценный...

Поехал на Кавказ, не спрашивая разрешения, сделал двести верст лишних, чтобы повидать в Орле опального Ермолова. Доставленный к царю, он хранил в кармане стихотворение “Пророк”, в котором иносказательно поведал о своем преображении:

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился...
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрое змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой...
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
“Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей”.*

Отсюда рукой подать до Некрасовского:

*Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.*

До есенинского:

*Отдам всю душу Октябрю и Маю,
Но только лиры милой не отдам.*

До горьковского:

Что я сделаю для людей?

“Глас народа — глас Божий”, — говорит половица. Русская классика никогда не уходила

от жизни народной, не лгала, не замалчивала страданий, не превращала свое святое дело в игрушку для забав.

Она помогала людям становиться лучше.

Золотое сердце русской поэзии – народная песня. Отраднo думать, что в прошлом наша Орловщина была центром собиpания народных песен, и во главе этого центра стоял Петр Васильевич Киреевский, получивший благословение от самого Пушкина. Сюда, в Киреевку, спешил неутомимый собиратель самоцветов народных Павел Иванович Якушкин. Сюда шли посылки с песнями из разных мест России. “Человеком хрустальной души” назвал П.В. Киреевского И.С. Тургенев. Песни Киреевского и Якушкина не обошел своим вниманием М.В. Исаковский, автор творений народной свежести, простоты и выразительности.

Помню, как в деревню к нам приехала из Орла агитбригада и девушка запела, стоя на лугу под березами:

*Мне хорошо, колосья раздвигая,
Сюда ходить вечернею порой.
Стеной стоит пшеница золотая
По сторонам тропинки полевой.*

Помню, как в одном колхозном клубе читала учительница со сцены:

*Есть во Вxодском районе деревня такая,
Где над речкой крушина цвела,
Где гармонь, на гулянье девчат закликая,
Вдоль по берегу вечером шла...*

Слушали как песню. Слушали о смоленской стороне, а думали о своей, возрожденной из пепла, а потому и слезы подступали к глазам. И еще не забываю, как в Альшанской школе моя одноклассница Маруся Чубарова удивительно пела:

*На позицию девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца.
И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.*

Еще вспоминаю, как на Фоминском поселке из репродуктора лилось:

*Вдоль деревни от избы до избы
Зашагали торопливые столбы...*

Еще – как мы шли из Лаврово на Фоминку и пели:

*Каким ты был, таким ты и остался,
Орел степной, казак лихой...*

Еще мне рассказали, как в одной деревне наш военнопленный пел за пять минут до расстрела “Катюшу”...

Исаковский мог бы о себе сказать словами Пушкина:

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа...*

Александр Твардовский много доброго сказал в печати о своем старшем друге. Даже в статье о собрании сочинений Есенина счел нужным вспомнить о нем: “В этом плане, например, очень важно было бы подчеркнуть значение поэзии М. Исаковского, пришедшей, по очень верному определению М. Горького, как бы на смену поэзии Есенина”. Автор “Катюши” никогда не был “модным” поэтом, его биография не вызывала интереса, но поэзия “прямо-таки на устах у народа”. Твардовский прав, утверждая, что “золотой век” русской поэзии не кончился с Есениным”.

В большой статье “Поэзия Михаила Исаковского” поэт отдал должное Есенину, влияние которого на молодежь “было почти повальным”. Есенина читали, переписывали, знали наизусть. Любили за “покоряющую искренность выражения человеческих чувств”. Под его влиянием “валом шли стихи о деревне – как милой и чем-то обиженной обители с ее серыми избушками, подсвеченными белизной березок”. А деревня двадцатых годов была полна молодежи и жадно тянулась к городу – “культурным началам труда и быта”. Заявить о себе новому поэту, обрести успех у читателя было под силу “таланту крупному и самобытному”.

Твардовский впервые увидел Исаковского на губернском съезде селькоров. На вечернем заседании “прошел к трибуне высокий, узкоплечий и чуть сутулый человек в очках, державший коротко остриженную темноволосую голову как-то намного набок”. Был он ничем не похож “на русокудрость есенинского типа”. “Негромким, в меру напевным голосом, произнося, однако, все слова с подчеркнутой правильностью”, Исаковский читал:

*Не думай, мать, об убежавшем сыне, –
Я лучших дней у жизни не прошу.
Всегда, всегда к Октябрьской годовщине
Я благодарные стихи пишу.*

*Пишу про те скрипучие палаты,
Где по ночам ворочалась нужда.
Пишу о том, что к нашей низкой хате
Плывут огни по медным проводам.*

“Новизна и нешумливая оригинальность поэзии Исаковского, – вспоминал его младший брат, – сразу принятая читателем, заключалась в том, что его печатавшиеся в газете стихи были в то же время стихами “для души”, для себя...”

Книга “Провода в соломе”, получившая одобрительный отзыв М. Горького, явилась “подлинным открытием Исаковского в русской поэзии, которая после Некрасова не выдвигала крупных талантов, обращенных преимущественно к деревенской теме...”

Для Маяковского, Пастернака, Асеева, Светлова и других деревня “была той стороной действительности, значение которой они могли осознавать, но она не могла представить для них собственно поэтического интереса”. Не была “хотя бы предметом воспоминаний детства”. Тут уместно вставить из воспоминаний А.В. Горбатова: “В 1943 году у нас в Третьей армии побывали писатели, среди них Борис Леонидович Пастернак. Он нам понравился своим открытым нравом, живым и участливым отношением к людям. Его стихов я тогда не знал совсем, мало знаю и сейчас, и те, которые знаю, мне не близки, хотя верю, что они талантливы. Нам ясно было, что Пастернак – человек совсем другого происхождения, другой жизни, других литературных взглядов, чем Твардовский. Однако при всем этом он с такой искренностью восхищался “Василием Теркиным” и так интересно говорил о значении этой книги, что мы его и за это полюбили”.

В наше время страстные поклонники усложненной поэзии и, разумеется, далекие от деревенской жизни, народных песен явно отодвигают в сторону простой и ясный стих. Это случалось и раньше. Так, в 1928 году Исаковский, обрадованный добрым отзывом Горького о “Проводах в соломе”, написал Алексею Максимовичу: “Ваша рецензия была для

меня особенно ценной и радостной, потому что я находился на распутье, можно сказать, в тупике. Мою книжку критики встретили, как говорится, “в ножи”, и я не знал – как же мне работать дальше. Я всегда считал, что форма литературного произведения должна быть проста и понятна /но не примитивна/, иначе литература делается достоянием небольшой кучки литературных специалистов. Массовому читателю она будет не под силу. И вот за эту простоту меня обрудали. В то же время в литературе хвалят сложные формы /напр., стихи Пастернака, Сельвинского и др., которые трудно читать даже очень квалифицированному читателю: что ни строка, то формула/.

Отсюда начались мои сомнения и шатания, и очень долгое время я ничего не писал, находясь в тупике”.

В 1966 году писал К.Я. Ваншенкину, получив от него книгу: “Я люблю такие стихи, – стихи очень простые по форме и очень значительные по содержанию. В них Вы как бы разговариваете со своим читателем, разговариваете очень естественно, дружески, доверительно. В Ваших стихах нет той “модной вычурности”, которая свойственна стихам многих так называемых модных поэтов”.

А вот из письма В.Д. Федорову /1965/ в ответ на просьбу сказать “несколько слов” о народности: “Вопреки Вашему утверждению, я думаю, что, по крайней мере, очень большую группу молодых поэтов ни в коей мере не интересует народность. И разговаривать с этой группой о народности просто бесполезно.

Дело в том, что – таково мое мнение – если начинать разговор о народности и популярности, то разговор этот нельзя ограничить краткими анкетными ответами на вопросы. Разговор должен быть самый серьезный, довольно длинный и очень доказательный”. Разговор не состоялся.

А если он состоится, то придется нам внимательно изучить наследие наших классиков, к сожалению, все более забываемых в суете наших дней. Полезно еще и еще раз подумать над словами Александра Твардовского о Михаиле Исаковском: “...бывший деревенский житель”, он опирается на толщу развитого в веках богатейшего крестьянского языка, к которому умели прислушиваться мастера отечественной литературы”.